

Мощной движущей силой в борьбе за демократический фронт, ведущейся под руководством компартии США, является американский рабочий класс и миллионные массы разоренного кризисом фермерства, политическая активность которых за последние годы значительно выросла. В частности эта борьба привела к созданию Конгресса производственных профсоюзов и ряда других прогрессивных рабоче-фермерских организаций. Не менее важными факторами роста демократического фронта в США являются и такие антифашистские объединения, как Лига борьбы за мир и демократию, Американский конгресс молодежи, Национальный негритянский конгресс и др.

Борьба за демократический фронт в США происходит в сложной и напряженной политической обстановке, и нельзя недооценивать, конечно, тех трудностей, которые стоят перед демократическими силами страны в их ожесточенной схватке с реакцией. Усиливающейся наступление фашистских элементов против Рузвельта, предательская роль американских троцкистов, добивающихся срыва демократического фронта — все это свидетельствует о лихорадочной мобилизации реакционных сил, напуганных ростом антифашистского движения в стране. Особенно гнусную роль играет троцкистская агентура, пробирающаяся в ряды рабочих организаций и ведущая там свою раскольническую, вредительскую работу. Весьма показателен пример,

имевший место уже после выхода книги, подрывной деятельности троцкистской базы в рядах профсоюза автомобильных рабочих, пытавшейся захватить в свои руки руководство союзом и в конце концов разоблаченной и изгнанной из союза.

Последний раздел книги явно недоработан. Исключительно интересный материал, крайне важный для понимания сегодняшней политической обстановки в США, сжат в пределах небольшой главы, в беглом поверхностном очерке. Многого вообще выпало из поля зрения авторов. Почти ничего не сказано о прогрессивном движении американской интеллигенции, о роли таких организаций, как Общество друзей Советского Союза, Лига американских писателей, Американская газетная гильдия, антифашистские объединения артистов, художников и т. п. Далеко не достаточно выявлены роль и значение компартии, возглавляющей борьбу за демократический фронт в США.

Несмотря на то, что многие проблемы остались вне поля зрения книги Магила и Стивенса, ценность ее все же значительна. Книга эта не только обстоятельно информирует о планах американской реакционной буржуазии, подготовляющей почву для фашистской диктатуры в Америке, и о тех силах, которыми она располагает, но и дает в руки читателю необходимое пропагандистское оружие в борьбе против фашистской опасности.

А. С Т А Р Ц Е В

К у л ь т у р а г о р о д о в

Льюис Мэмфорд — один из самых выдающихся современных американских писателей по вопросам культуры и искусства. Многообразие интересов и широкая эрудиция позволяют Мэмфорду рассматривать занимающие его проблемы западной цивилизации на разном материале и под разными углами зрения. Однако, общая постановка вопросов культуры и эстетики жилища является для Мэмфорда излюбленной. Настоящая работа, представляющая, как указывается во введении, результат многолетнего труда, должна

служить, в этом смысле, обобщением всех предшествующих опытов автора.

По материалу и характеру изложения книга делится на три части. Первая — это исторический очерк средневекового города, столицы абсолютной монархии («барочный город» по терминологии Мэмфорда) и промышленно-капиталистического города XIX века. Вторая часть (глава «Возвышение и падение мегалополиса») представляет собою обвинительный акт против современного буржуазно-урбанистического строя жизни. В заключительных главах книги автор намечает положительные принципы городской культуры и касается возможности их воплощения в жизнь.

«The Culture of Cities», by Lewis Mumford. Harcourt Brace and Co, New-York, 1938.

Мэмфорд очень справедливо рассматривает историческое развитие города, как непрерывное нагнетание противоречий, достигающее наивысшей точки в эпоху развитого капитализма. Кризис жизненных функций городской культуры, кризис градостроительства и архитектурного творчества, урбанистическое извращение быта горожанина, характерное для буржуазного города, вытекают из основных социально-экономических противоречий капиталистического строя. Острые замечания Мэмфорда по поводу того, что «голландский крестьянин XVII столетия, живший в маленькой деревушке, лучше разбирался в искусстве совместной жизни, чем муниципальный советник в Лондоне или Берлине XIX века» (стр. 8), попадают прямо в цель. Действительно, в промышленно-капиталистическом городе были окончательно утрачены все прогрессивные принципы городского общежития с тем знаменательным исключением, что пролетариат, принявший на себя основные удары буржуазно-урбанистического строя жизни, выступил как носитель новых, неизмеримо более высоких принципов экономического и культурного сотрудничества людей.

«Цирнее капитализма удалось превратить жилища рабочих в хлевы, но превратить обитателей в свиней было не в ее силах» пишет в этой связи Мэмфорд (175). К сожалению, это замечание не ведет автора к заключениям исторического характера, хотя он искренно восхищается отвагой и выдержкой рабочего класса. Между тем противоречивое положение пролетариата в современном капиталистическом городе, собственно говоря, предопределяет решение вопроса о городе и городской культуре. Нам придется еще к этому вернуться в связи с положительной программой Мэмфорда.

На примере английского городского и индустриального строительства в эпоху промышленного капитализма, превратившего «зеленую Англию Шекспира в черную Англию Диккенса», Мэмфорд показывает хищнический характер хозяйничанья буржуазии. Постройку каждой фабрики, отравляющей вокруг себя воздух и воду, можно было, как известно, характеризовать, исходя не только из индексов экономической жизни, но и из цифр детской смертности в прилегающей округе. Применение политики *laissez-faire* в городском строительстве привело к величайшей анархии и дезорганизации городского хозяйства как в санитарно-гигиеническом, так и в архитектурно-эстетическом отноше-

нии. Если в чем соблюдалась плановость, это — в эксплуатации «трущоб» рабочих кварталов и фабричных поселков, где действовал «железный закон»: минимальные удобства, максимальная квартирная плата и покорность господину капиталисту. Жилищное хозяйство становится для собственников строителей участков и спекулянтов-домовладельцев добавочным средством эксплуатации пролетариата.

«...бедность — более богатый источник для домовой ренты, чем каким когда бы то ни было являлись рудники Потози для Испании, — писал по этому поводу Маркс, — и чудовищная власть, которую дает... земельная собственность, соединяясь в одних руках с промышленным капиталом, открывает для нее возможность практически устранять с земли, как с обиталища, тех рабочих, которые вступают в борьбу из-за вопросов заработной платы. Одна часть общества требует в этом случае от другой дани за право жить на земле...»¹.

Известно, что существенным мотивом наиболее значительной в XIX веке перепланировки большого города (Париж по проекту архитектора Оссмана), был страх буржуазного правительства перед баррикадами, которые рабочие воздвигали на своих узких улочках.

Современный капиталистический город-гигант («мегалополис»), промышленный, политический и культурный центр буржуазного государства, при внешних материальных успехах не избавился, по мнению Мэмфорда, от противоречий «бесчувственного индустриального города» XIX века. Напротив, они углубились до предела. Мэмфорд неопровержимо доказывает, что строительство богатых кварталов и рекламных «чудес современной архитектуры» производится за счет «проклятых кварталов», где бедняки попрежнему лишены света, воздуха и гигиенического минимума. Не приходится уже говорить об эстетических и культурных потребностях пролетарского населения, которые игнорируются буржуазными градостроителями, так сказать, принципиально. Как бы ни рос и ни совершенствовался город, «проклятые кварталы», недееспособные в качестве налогоплательщиков, остаются в запустении. По ним «можно пройти с полмили в любом направлении, не встретив ни школы, ни библиотеки, ни площадки для детей».

¹ К. Маркс, Капитал. 8-е изд., том III, стр. 557.

Город-спрут (la ville tentaculaire) протягивает свои щупальцы в провинцию. Мощный размах урбанизации формирует жизнь страны по образу и подобию столичного города-гиганта, втягивающего все новые миллионы в свою орбиту. Самый образ города-спрута мог возникнуть только в условиях вопиющей противоположности города и деревни, однако, не следует думать, что городское население в массе извлекает преимущества из эксплуатации деревни капиталистическим городом.

Фактически громадное большинство городского населения, устранившее от преимуществ городской культуры и лишённое в то же время положительных элементов деревенской обстановки, обречено на полуголодное в физическом и духовном отношении существование.

То, что «мегалополис» даёт одной рукой, он забирает другой, пишет Мэмфорд, сатирически живописуя бездушную стандартизацию жизни в большом буржуазном городе наших дней, где университеты походят на фабрики готового платья, а музеи на универсальные магазины.

«Влача подобное существование год за годом, оторванные от собственной природы и природы внешнего мира, лишённые возможности выжить себя достойным образом в любви или родительской заботе, угрожаемые призраком нищеты и гибели, царящим над темными улицами и гордыми балконами небоскребов, массы городского населения живут в состоянии, близком к патологическому» (258).

Такое мрачное резюме не кажется ни неожиданным, ни преувеличенным.

Несколько дальше автор продолжает: «Только в хорошо организованном окружении, застрахованном от катастроф, свободном от мучительного ожидания катастрофы, может цвести высшая человеческая деятельность: нежность к детям, забота о стариках... длительная и систематическая работа мысли, стремящейся к постижению истины, свободное цветение искусства, творческое богатство человеческих отношений, короче говоря, образ жизни, в котором биологические и социальные потребности личности искусно вплетены в многообразное целое человеческой культуры» (278).

В одном из разделов этой же главы, несущем характерный заголовок «Краткий очерк ада», автор набрасывает картину воздушной бомбардировки в современном городе. Он констатирует, что в современных центрах городской культуры человечества возможны «страхи, более опустошительные и деморали-

зующие, чем те, которые терзали обитателей джунглей или троглодитов в пещерах». Автор не слеп к источникам современного варварства (он называет режим Гитлера и Муссолини «диктатурой гангстеров»), он указывает, что развитие капиталистического общества в этом направлении неминуемо приведет к превращению «мегалополиса» в «некрополис» — город мертвых.

В обширном очерке предлагаемого «регионального» переустройства современной урбанистической цивилизации по принципу «районной планировки», автор намечает положительные мероприятия, которые могли бы спасти для человечества город и городскую культуру. Мэмфорд предлагает осуществить в широком масштабе рациональное районирование населённых территорий с учетом существенных географических и социально-бытовых факторов. Произведенная таким образом перегруппировка поселений, включающая широкий план резервации и культивирования участков естественной природы, позволит, по мнению Мэмфорда, разрешить кризис «мегалополиса» и создать предпосылки для совершенного «биотехнического» порядка жизни, воплощенного в идеальном городе-саде.

Мы не беремся давать оценку отдельных сторон схемы Мэмфорда, хотя нам кажется, что ничего принципиально нового в уже имеющиеся построения этого рода она не вносит. Заметим, однако, что Мэмфорд не принадлежит к современным «разрушителям машин» и не предлагает бежать из города на лоно природы. Он исходит из совершенно здорового протеста против буржуазно-урбанистического строя жизни; он озабочен тем, чтобы соединить в своем городе-саде великие завоевания промышленной культуры с отрицаемыми в «мегалополисе» необходимыми условиями физического и духовного развития человека. С теми же требованиями он подходит к современной архитектуре и делает по этому поводу ряд замечаний. Он с горечью указывает, что современная архитектура утратила связь с социальными потребностями человека. Высмеивая пассажизм в архитектуре, он говорит, что «железнодорожная станция сама по себе может быть не менее прекрасной, чем средневековый замок». Характеризуя внутреннее устройство современного жилища, он остроумно замечает, что «нужны не цветастые обои, а условия, при которых могли бы расти настоящие цветы». Набрасывая картину жилища и окружения, соответствующего современным техническим возможностям и современному уровню санитарно-гигиениче-

Деловой центр (Нью-Йорк)

ских знаний, автор не оставляет у читателя сомнения в желательности рекомендуемых перемен. Справедливость требует, однако, заметить, что бочка меду время от времени разбавляется дегтем. Посреди самых заманчивых описаний рационального устройства жилища и городского ансамбля, спортивно-гигиенических мероприятий и т. п., автор не может воздержаться от меланхолических замечаний такого, например, рода: «там, где это допускает экономическое положение семьи» или «поскольку это касается состоятельных классов общества». Автор также показывает, что усовершенствованное современное жилище не может быть дешевым жилищем.

Естественно обратиться к Мэмфорду вопрос, каким образом он считает возможным реализацию своей грандиозной схемы и с каким общественным строем он ее связывает? Стоит лишь задать этот вопрос, и становится очевидным, что в книге, начиная уже с первых глав, происходит какая-то странная игра.

Сперва идут филиппики против буржуазного строя, в искренности которых нет, по видимому, оснований сомневаться. За ними следуют очень сдержанные, социально-политические формулировки, выдержанные в стиле сугубых околичностей. Сделав некоторое усилие, из них можно все же заключить, что, по мнению автора, производственно-иму-

щественные отношения, царящие в буржуазном обществе, препятствуют переустройству существующего порядка жизни. Потом, в качестве вывода из предыдущего, следует вне всяких пропорций микроскопическое «руководство к действию», и игра начинается сызнова.

К концу книги положение начинает разъясняться, увы, разочаровывающим образом. «Причина повсеместного консерватизма в деле реформы жилища в том, что никакая коренная перемена невозможна без перераспределения общественного дохода» — пишет Мэмфорд (470) и добавляет: «Уничтожение трущоб (slums) означает уничтожение бедности, или оно ничего не означает» (там же). Казалось бы, эти замечания недвусмысленны. Однако, верный принятой схеме рассуждения, Мэмфорд тут же поспешно заявляет, что видит путь к социальному перевороту в согласованных усилиях «людей доброй воли», в данном случае групп архитекторов и прогрессивных представителей других интеллигентных профессий, участвующих в органах муниципального управления. Гора рождает традиционную мысль. В одном из фантастических произведений Уэллса мир спасают авиаторы. На сей раз это архитекторы.

Каким образом произойдет спасительная «муниципализация» капиталистического мира — Мэмфорд почти не разъясняет. В книге

имеются два современных примера подобного рода муниципальной инициативы, предпринятой в сравнительно солидных размерах. Это — мероприятие (точнее, планы мероприятий) жилищных органов правительства Рузвельта и реформы социал-демократического муниципалитета Вены в послевоенные годы. По поводу первых сам Мэмфорд пишет следующее: «Заметьте, что программа уничтожения трущоб и переустройства пригородов, намеченная правительством Рузвельта, была сведена на-нет мероприятиями того же правительства, имевшими целью сохранить в неприкосновенности существующий порядок земельного кредита» (229). В другом месте по поводу работ Бюро пригородных поселений (Suburban Resettlement Bureau) он пишет: «Как и многие другие хорошие начинания правительства Рузвельта, Бюро не получило достаточной организационной поддержки и в то же время не добилося сотрудничества властей на местах; в конце концов оно было лишено полномочий в тот самый момент, когда, преодолев многие ошибки, оно подошло к положительным задачам» (400). Мы не знаем, нужно ли что-либо добавлять к сказанному.

Что касается Вены, то Мэмфорд почему-то не сообщает читателю об исходе этого «муниципального» эксперимента. Мы спросим: где же эти рабочие дома, которые Отто Бауэр и К^о рекламировали в качестве чудес австромарксизма? Что ж, это все знают. Залитые кровью рабочих-шуббундовцев, они были захвачены австрийскими фашистами и далее, своим чередом, перешли к немецким фашистам.

Достоинно всяческого удивления, что проект «муниципализации» столь жестокого мира может иметь для автора «Культуры городов» хотя бы тень реальности. Иному читателю он может показаться злой насмешкой.

Здесь уместно коснуться одного пункта, который не может не вызвать недоумения у читателя книги Мэмфорда. В одной из первых глав книги автор оговаривает свое несогласие со взглядами Энгельса на проблему города и жилища, изложенными в известной работе Энгельса «К жилищному вопросу». Ссылаясь на предложение Энгельса об экспроприации просторных жилищ богатей и передаче их рабочим семьям, автор возражает, что, во-первых, это есть упрощенное решение вопроса, так как оно не разрешает проблемы переустройства городской цивилизации; во-вторых, что дома богатей, которые имел ввиду Энгельс, сами представляют образец недоброкачественного жилища и, следо-

вательно, предложение Энгельса показывает отсталость его взглядов на функции человеческого жилища и его роль в культурном обиходе.

Нужно заметить, что декларирование несогласия с Энгельсом и ссылка на «отсталость» его взгляда имеет почти символический характер. Многие американские (и не только американские) писатели-социологи, обязанные своими лучшими страницами прямому или косвенному влиянию марксистской мысли, считают своим неперменным долгом, в силу расчётливости, малодушия, или других причин, о которых мы не беремся судить, принести в той или иной форме присягу на неверность марксизму. Распространенной, хотя и не единственной формой такой присяги служит заявление о действительном или изобретенном несогласии с тем или иным марксистским положением, как «устарелым».

В данном случае «присяга» была принесена на редкость неуклюже.

Всякий, кто читал названную работу Энгельса, увидит, что критика Мэмфорда недела. Энгельс действительно предлагает экспроприацию буржуазных квартир и переселение в них рабочих, но он не видит в этом, как пытается представить Мэмфорд, разрешения жилищного вопроса как социальной проблемы. Что касается этой проблемы в целом, то Энгельс несколько раз на протяжении своей работы настоятельно указывает, что ее решение обусловлено уничтожением противоположности между городом и деревней. Далее Энгельс подчеркивает, что уничтожение противоположности между городом и деревней возможно лишь с победой социальной революции и что, следовательно, жилищный вопрос не может быть разрешен в отрыве от социального вопроса.

«Жилищный вопрос может быть разрешен лишь тогда, когда общество будет преобразовано уже настолько, чтобы можно было приступить к уничтожению противоположности между городом и деревней, противоположности, доведенной до крайности в современном капиталистическом обществе. Капиталистическое общество, отнюдь не будучи в состоянии уничтожить эту противоположность, вынуждено, наоборот, с каждым днем все больше ее обострять. Это правильно поняли уже первые утопические социалисты современности, — Оуэн и Фурье. В их образцовых строениях не существует больше противоположности между городом и деревней...

Однако, всякая социальная революция сначала принуждена брать вещи такими, какими

Улица доходных домов (Нью-Йорк)

она их находит, и бороться с наиболее вопиющим злом при помощи тех средств, которые имеются налицо. И мы видели уже выше, что помочь устранению жилищной нужды можно путем экспроприации части роскошных квартир, принадлежащих имущим классам, и принудительным заселением остальной части»¹.

Это сказано совершенно ясно и не допускает ложных толкований. Несогласие Мэмфорда относится не к взгляду Энгельса на рациональное устройство жилища, а скорее всего, к взгляду Энгельса на социальную революцию. Это, однако, можно было довести до сведения читателя менее кружным путем.

По поводу экспроприации буржуазных квартир Энгельс пишет: «...как только пролетариат завоеует политическую власть, подобная мера, предписываемая интересами общественной пользы, будет столь же легко выполнима, как и другие экспроприации и занятия квартир современным государством»².

Первый опыт такого мероприятия принадлежит Парижской коммуне. В государственном масштабе оно было применено у нас после победы пролетарской революции, сочетаясь органически с общими мероприятиями, направленными к экспроприации буржуазии и помещиков (в частности, с отчуждением земельных имуществ, о котором Мэмфорд вздыхает, но которое не решается предложить). Нужно думать, что не один десяток тысяч рабочих детей и подростков, ныне активных строителей социализма, был спасен от туберкулеза и других напастей старых рабочих окраин переселением в благоустроенные квартиры богачей. Не подлежит также сомнению, что не одна попытка заговора или буржуазного саботажа была сорвана благодаря присутствию рабочих в самом сердце буржуазных кварталов. Экспроприация жилищ богачей в пользу бедняков есть неотъемлемое и необходимое право социальной революции. Что до несовершенства этих жилищ с точки зрения требований современной науки, то, по уверению самого Мэмфорда, техника дорогого строительства делает громадный прогресс и есть, следовательно,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Том XV, стр. 36—37.

² Там же, стр. 19.

основание надеяться, что рабочие получают не столь уже неблагоустроенные квартиры.

Если бы Мэмфорд освободился на мгновение от «муниципального» типноза и заинтересовался бы тем, что произошло в стране победившего социализма за протекшие два десятилетия, он увидел бы, какие предпосылки создает социалистическое хозяйствование для разрешения вопросов городской цивилизации.

Принципы социалистического градостроительства, как показали первые же шаги советской власти в этом направлении, в корне отличны от всего опыта буржуазного строительства на Западе. Вековая проблема трущоб и противоположности богатого центра и нищих окраин попросту исчезла из обихода советского градостроительства.

«Изменился облик наших крупных городов и промышленных центров,— говорил товарищ Сталин в своем докладе на XVII съезде партии.— Неизбежным признаком крупных городов буржуазных стран являются трущобы, так называемые рабочие кварталы на окраинах города, представляющие груды темных, сырых, большей частью подвальных, полуразрушенных помещений, где обычно ютятся неимущий люд, копошась в грязи и проклятая судьбу. Революция в СССР привела к тому, что эти трущобы исчезли у нас. Они заменены вновь отстроенными хорошими и светлыми рабочими кварталами, причем во многих случаях рабочие кварталы выглядят у нас лучше, чем центр города».

Планирование городского хозяйства и расселения в городах позволяет использовать все преимущества планового хозяйствования в деле реконструкции старых городских центров и в строительстве новых.

Проблема архитектурного ансамбля, целостного архитектурного решения тех или иных строительных задач в пределах группы сооружений, городской площади или магистрали, безнадежно упирающаяся на Западе в частное землевладение и частное домовладение, у нас есть практический вопрос, подлежащий художественной компетенции архитектурно-планировочных организаций.

Вопросы районирования городских территорий, организации городского транспорта, развития сети культурно-бытовых учреждений, озеленения города и сохранения зеленых массивов в пригородах — стоят в центре внимания планирующих и строящих организаций и контролируются трудящимися через городские советы.

В Советском Союзе нет никаких препонов для разумно планируемого жилищного и бытового строительства, имеющего целью служить интересам общества. Жилищная нужда, которую все еще испытывает городское население в СССР, требует напряженной работы еще в течение ряда лет. Возможности дальнейшего строительства неисчерпаемы. Темпы и качество работ по генеральному плану реконструкции Москвы показывают, что советское градостроительство достигает такого уровня, когда для него не будет существовать невыполнимых задач.

Представляют ли современные советские города форму общежития, которая будет полностью соответствовать новым формам быта, труда и отдыха в развернутом коммунистическом обществе? Конечно нет. Однако, было бы опасным прожектерством проповедывать на этом основании ликвидацию существующих городов в целях «мгновенного» устранения противоположности между городом и деревней и «насаждение» городов-садов или какие-либо другие административные утопии, жестоко раскритикованные, как известно, в специальном постановлении партии. Проблема города не может и не должна решаться в отрыве от общих задач социалистического строительства.

Уничтожение противоположности между городом и деревней должно произойти «не на основе ликвидации городов, а на основе их видоизменения и социалистической перedelки деревни и подъема ее до уровня передовой городской культуры» (тов. Л. М. Каганович на июньском пленуме ЦК ВКП(б) 1931 года).

Таким образом, всемирно-историческое значение победы колхозного строя в советском земледелии и вытекающих из нее новых производственных и культурных отношений трудящихся города и деревни состоит, между прочим, во влиянии, которое окажет размытие и исчезновение вековой противоположности города и деревни на жилищный вопрос и проблему города в коммунистической цивилизации будущего.

Обо всем этом, однако, можно судить, исходя не из одного лишь «желаемого», как это делает Мэмфорд, а из «сущего», т. е. из реальных экономических и социальных фактов современной жизни. Русский либеральный популяризатор идеи города-сада (выдвинутой впервые в девяностых годах англичанином Гоуардом), наивно назвал свою книжку «Социализм без политики», открывая таким образом соображения, которые другие авторы «жилищных реформ» держат в секрете. Энгельс в этой связи пишет в той же работе

«К жилищному вопросу»: «Сущность буржуазного социализма как раз и состоит в желании сохранить основу всех бедствий современного общества и в то же время устранить эти бедствия»¹.

Книга Мэмфорда написана по вопросу городской важности. Мы не скрывали от читателя ее достоинств. Они говорят сами за себя. То же с не меньшим правом можно сказать о ее пороках.

О книге Мэмфорда

Заключительные главы книги Мэмфорда посвящены изложению и обоснованию его «положительной» программы градостроительства. Здесь, как мы уже видели, автор, умеющий находить такие острые формулы для критики капиталистического города, в сущности не идет дальше заклинаний. Весьма показательны, что «радикальные» проекты лечения современного города, предлагаемые Мэмфордом, мало чем отличаются от давно знакомых рецептов, многократно выдвигавшихся бесчисленными прожектерами, писавшими в течение последних десятилетий о городе. Здесь, конечно, и спасительная «региональная планировка», и ограничение роста городов, и архитектурное усовершенствование муниципального строительства, и рационализация жилья, — и еще много других прогрессивных пожеланий и прекраснотушних идей. Но обо всем этом приходилось уже слышать на всех международных конгрессах по архитектуре и градостроительству последних десятилетий. Те же, примерно, предложения приходилось читать в бесчисленных статьях и книгах, посвященных современному городу.

Для подкрепления своих «позитивных» предложений Мэмфорд обращается к самым различным примерам: здесь и старые проекты городов-садов, здесь и схемы Корбюзье, здесь и классические утопии на тему «идеального города». Абстрактный, чисто бумажный характер всех этих схем в условиях капиталистического строя давно уже не составляет секрета для самих представителей буржуазного градостроительства. Еще в 1931 году один из виднейших деятелей в этой области в догитлеровской Германии, архитектор Мартин Вагнер писал: «Трагедия современного международного градостроительства заключается в том, что все тезисы по

этому вопросу настолько полно продискуссионированы специалистами, что можно уже сделать практические выводы. Но сделать эти выводы они не сумели, так как тем самым они взорвут политическую и экономическую основу их собственных идей». Эти слова, являясь выразительным ответом Мэмфорду, весьма точно показывают, почему этот «радикальный» писатель и «самостоятельно мыслящий» публицист в своих выводах следует по столь исхоженным и бесплодным маршрутам.

Оперируя абстракциями «муниципального социализма», повторяя шаблонные и бессодержательные схемы, Мэмфорд в то же время проходит мимо единственной реальности, которую наше время дало в деле коренного преобразования города и городской жизни: мимо социалистической реконструкции городов, осуществляемой в Советском Союзе.

Впрочем, отдельные замечания о советском строительстве, о советской архитектуре разбросаны в нескольких главах книги Мэмфорда. Эти замечания носят то характер снисходительного одобрения (когда речь идет об отдельных произведениях советской архитектуры), то приближается к буржуазно-филистерским суждениям о социалистическом строе и о советском государстве. По сути же дела, Мэмфорд обнаруживает полнейшее незнание тех огромных реконструктивных процессов, которыми сопровождается развитие советских городов и которые открыли эпоху в истории мирового градостроительства. Посвящая свою объемистую книгу истории современного города, Мэмфорд сознательно игнорирует самый крупный, самый значительный факт этой истории: социалистическую перестройку городов в СССР. Между тем, именно здесь, и только здесь, даны ответы на все «проклятые вопросы», с такой обстоятельностью и остротой поставленные Мэмфордом. План реконструкции советских городов, осуществляемый как часть

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Том XV, стр. 28.